

Александр Готлиб Баумgarten. *Эстетика*.

Перевод Г.С. Беликова, А.В. Белоусова, Д.В. Бугая, М.И. Касьяновой, А.О. Корчагина, Е.Ю. Чепель и Ю.А. Шахова, под общей редакцией А.В. Белоусова и Ю.А. Шахова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021

Для цитирования: Васильева, М.Ю. Рецензия на книгу *Эстетика*, Александр Готлиб Баумgarten. *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 439–443.

For citation: Vasil'eva, Marina Yu. Review of *Aesthetica*, by Alexander Gottlieb Baumgarten. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 37 (2022): 439–443. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 05.07.22

Принята к публикации / Accepted: 07.07.22

Поводом для данной рецензии послужило важное для отечественной истории философии событие – выход в свет русского перевода «Эстетики» Александра Готлиба Баумгартена, загадочного мыслителя восемнадцатого столетия, основоположника эстетики как философской дисциплины, как науки о чувственном познании, что оказало несомненное влияние на И. Канта и всю дальнейшую немецкую философскую традицию.

Стоит отметить некоторые особенности текста «Эстетики» Баумгартена. «Эстетика» – незавершенная работа. Она должна была состоять из двух частей, в соответствии с делением логики на теоретическую часть и практическую часть. Теоретическая часть должна была иметь три главы: «Эвристика»,

«Методология» и «Семиотика». Баумгартен не сумел завершить даже первую главу. Приблизительное понимание того, что должно было содержаться в ненаписанных главах, мы можем получить из разделов о методе (§§ 66–74) и о языке (§§ 77–111) опубликованной в 1735 г. работы «Философские размышления о некоторых вопросах, касающихся поэтического произведения».

Еще одна особенность, отмеченная самим Баумгартеном в авторском «Предисловии»: по сути своей, «Эстетика» была задумана как своеобразное учебное пособие, призванное облегчить труд слушателей соответствующих лекций. В 1742 г. Баумгартена попросили изложить в новом лекционном курсе некоторые мысли о руководстве низшими познавательными способностями. Согласно установленной традиции, он стал диктовывать своим слушателям сначала только определения и доказательства, а все остальное отложил для пояснения в свободной форме. Затем к нему обратились коллеги и снова стали просить о курсе лекций по эстетике. После многочисленных просьб Баумгартен, наконец, понял, что лучше отдать труд в печать, чтобы «не утомлять руки слушателей».

Сложность текста «Эстетики» связана не только с его композиционной незавершенностью и конспективной неполнотой: латынь Баумгартена достаточно путана и в некоторой степени претенциозна, предложения синтаксически усложнены и предполагают непростое управление слов. Как отмечается в предисловии к русскому переводу, переводчики работали над текстом «Эстетики» более пяти лет, преодолевая ряд трудностей. Сложным был для переводчиков сам философский язык Баумгартена, в силу новизны терминологии, манеры изложения материала в эстетике, неаккуратности в латинских формулировках, тяжеловесных синтаксических конструкций. Переводчики, решая отдельные переводческие задачи, старались руководствоваться несколькими принципами: во-первых, стремились максимально точно и корректно передать значение эстетических терминов, во-вторых, старались быть максимально близкими к тексту оригинала, в т.ч. при переводе античных авторов; в-третьих, действовали с постоянной оглядкой на то, что эстетику Баумгартена следует рассматривать не только как «образец философской

мысли восемнадцатого века», но прежде всего как достояние европейской культуры данного периода.

Кратко опишем содержание «Эстетики» Баумгартена. Баумгартен полагал, что эстетика – это младшая сестра логики: как логика имеет дело с высшими познавательными способностями, так эстетика имеет дело с низшими познавательными способностями и является наукой о чувственном познании. Как уже указывалось, в согласии с делением логики на теоретический и практический разделы, эстетика должна была также состоять из двух частей; при этом теоретическая часть должна была делиться на три подчасти: эвристику, которая описывает «прекрасное познание предметов», методологию, которая устанавливает ясный порядок, семиотику, которая учит изящному выражению мыслей. Общей темой должна была стать согласованность представления, метода, или порядка, и знаков.

Первая глава «Эвристика» открывается следующим тезисом: «Цель эстетики есть совершенство чувственного познания как такового. А это совершенство есть красота» (§ 14). Под «совершенством» Баумгартен понимает «красоту», или, более развернуто, «согласованность многообразного в единстве». Не-совершенство соотносится с безобразным. Совершенства и несовершенства, которые либо не могут быть познаны, либо познаются только разумом, согласно Баумgartenу, никак не заботят эстетику (§ 15).

Уже в § 22 Баумгартен, по сути, кратко говорит о тех разделах «Эстетики», которые ему удалось написать: «Обилие, величие, истина, ясность, достоверность и жизненная сила познания, насколько они согласны в одном восприятии и между собой – <...> и насколько различные части познания <...> согласны с ними, производят совершенство всякого познания». Эти шесть аспектов прекрасного являются также тем, «о чем следует заботиться» творцу художественных произведений. В «Эстетике», после предварительного рассмотрения эстетического познания как такового, природных дарований «эстетика» и средств их развития, подробно обсуждаются первые пять аспектов (финальный раздел главы I о «жизни», т.е. способности художественного произведения побудить нас, так и не был написан). Каждый из этих аспектов рассматривается сначала как «абсолютный»,

а затем как «относительный». «Абсолютные» обилие, величина, ясность и т.д. «необходимы для всякого прекрасного рассуждения» (§ 116); какая степень соответствующей характеристики необходима, зависит от типа произведения. Тема первой главы сводится к тому, что совершенное восприятие есть согласованность, или гармония воспринимаемых качеств, способная произвести предельно ясное представление.

Выделим несколько тем, которые нам показались наиболее любопытными. Первая тема – это формирование успешного эстетического типа. Каждый эстетик обладает предрасположенностью к прекрасному размышлению, и эта предрасположенность состоит в «остром ощущении», сильной способности воображения, хорошей памяти и поэтической способности. Счастливый, или успешный, эстетический тип должен обладать добрым сердцем и хорошей головой. Природные дарования должны дополняться тщательными эстетическими упражнениями. Соответственно, в «Эстетике» Баумгартен стремится изложить правила, составляющие эстетическую дисциплину. Однако все же одной дисциплины недостаточно, требуется еще эстетическое вдохновение, условия возникновения которого Баумгартен также указывает.

Вторая тема – это учение Баумгартена об эстетической истине. Под «эстетической истиной» он понимает «представление, показывающее истинный объект, но не со строгой ясностью, будучи смешано с большей чувственностью» (§ 424). «Эстетическая истина требует для объектов изысканного рассуждения возможности <...>, то есть того, чтобы в объекте <...> не обнаруживалось никаких противоречащих друг другу признаков» (§ 431). Всякая возможность требует единства как внутренних определений (единство действия), так и внешних определений (единство места и времени) (§ 439). «Эстетическая ложность есть субъективная ложность, несоответствие рассуждений истине предметов рассуждения, насколько оно может быть чувственно воспринято» (§ 445). В вопросе об эстетической истине и ложности решающая роль отводится не разуму, а чувственности: даже если разум будет нечто отвергать как неистинное, при условии, что оно познается чувственностью как истинное, это нечто будет признаваться истинным. Поэтому

для эстетики всё вымышленное обладает ценностью, при условии, что чувственность не обнаружит в нем ничего невозможного – значение имеет только содержательная неправильность, недостоверность. В разделе XXXI Баумгартен отмечает, что наряду с нашим естественным миром имеются другие миры, «миры поэтов», к числу которых он относит не только мифологию греков, римлян и других народов, но и космогонии новейших философов (Декарта и Лейбница). Поэтический вымысел, мир поэтов, не есть простой обман, как полагает «толпа», это «не ложь, а некое иносказание истины; вымысел, который соотносится с некоторой истиной, есть иносказание, а тот, который не соотносится, есть обман» (§ 525).

Мы выделили только две темы из множества других тем «Эстетики» Баумгартена: их обсуждение интересно как с историко-философской точки зрения, так и с точки зрения актуальной эстетической теории. Стоит подчеркнуть, что эстетическая система Баумгартена должна рассматриваться как подсистема в сложном контексте его философских учений. Иными словами, «Эстетика» непонятна, если не прояснен ее лейбнизианско-вольфианский идейный фон, если неизвестны метафизика, психология и этика самого Баумгартена. В связи с этим хотелось бы отметить два момента. Отрицательный: русские переводчики не предложили собственного подробного анализа принципов эстетики Баумгартена, заменив его предисловием к итальянскому переводу «Эстетики», сделанному Сальваторе Тедеско. Положительный: по мере изложения даются достаточно подробные комментарии в виде переводов цитат из других произведений Баумгартена, в первую очередь из «Метафизики».

Данный перевод можно рекомендовать студентам, аспирантам и преподавателям гуманитарных факультетов и отделений высших учебных заведений, а также специалистам в области истории философии, истории и теории искусства.

М.В. Васильева,

МГУ имени М.В. Ломоносова

119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия

vasmar204@rambler.ru